

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Сельская школа

Продолжаем знакомить вас с педагогическими воззрениями русского педагога-просветителя конца XIX века Сергея Александровича Рачинского. Начало публикации — журнал «СШ». № 3. 2008*

Сергей Рачинский

Поговорив об учениках сельской школы, мне следует сказать несколько слов об её учителях. Будучи сам одним из них, прошу наперёд извинения у читателей, если, несмотря на все мои старания, мне не удастся удержаться при этом в границах строгого беспристрастия.

Учителя, подвигающиеся в наших официально признанных сельских школах, распадаются на три разряда, резко отличающихся между собой. Укажу на особенности каждого из них в порядке появления их на поприще сельского учительства.

Первый разряд, и по времени появления, и по внутреннему достоинству, составляют молодые люди, окончившие курсы в духовных семинариях и готовящиеся к священническому сану. Наша сельская школа не имеет, и долго не будет иметь, контингента учителей, более солидно и многосторонне подготовленных. Основательность их сведений, в особенности по рус-

* Печатается с некоторыми сокращениями.

скому и церковнославянскому языкам и по закону божью, вполне вознаграждает некоторую недостаточность в знакомстве с приёмами элементарного обучения. Эта недостаточность, впрочем, лишь относительная. В духовных семинариях преподаётся педагогика, при них существуют воскресные школы для упражнения воспитанников. На той ступени умственного развития, которая достигается нашими семинаристами, всякий метод преподавания усваивается сознательно и легко. Громадное преимущество доставляет им также и известный навык к церковному пению. Те немногие из них, для которых священство есть дело призвания, и многие другие в силу своей умственной зрелости относятся к своему делу добросовестно и серьёзно. Привлечение их к деятельности в сельской школе (через особую назначенную им стипендию) составляет действительную заслугу Министерства народного просвещения.

Но само собой разумеется, что этот ценный контингент при возрастающем количестве школ, при повсеместном недостатке в священниках совершенно исчезает сравнительно с потребностью в учителях. Редкому из этих молодых людей доводится провести в должности учителя положенные законом три года; они только проходят через сельскую школу и оставляют её, не успев приобрести тот навык, ту опытность, которые могли бы сделать из них безукоризненных сельских учителей.

Другой разряд наших сельских учителей, и самый многочисленный, составляют молодые люди, приобретающие это звание посредством экзамена при гимназиях, уездных училищах и т. д. Экзамен этот, относительно лёгкий, даёт доступ к учительской должности всякому, кто

способен её исполнить в пределах, начерченных официальной программой сельских школ. Молодые люди, сдающие его, по большей части окончили курс в уездном или духовном училище или не окончили его в каком-либо среднем учебном заведении. Как весьма редкие исключения, появляются между ними крестьяне, обучавшиеся в сельских школах и затем нашедшие случай пополнить свои сведения до уровня, требуемого программой учительского экзамена. Такие учителя, если не ошибаюсь, встречаются в Тульской губернии в сфере деятельности Яснополянской школы графа Л.Н. Толстого. В небольшом количестве встречаются они и в Смоленской губернии.

Само собой разумеется, что общая характеристика этого разряда учителей невозможна: между ними встречаются учителя отличные, посредственные и из рук вон плохие, смотря по их личным свойствам, по той школе, которую они прошли до экзамена. Лишённые всякой теоретической педагогической подготовки, они вынуждены пользоваться приёмами той школы, из которой они вышли, подражать приёмам учителей, более опытных, или охотью создавать себе собственные приёмы сообразно своим умственным силам и материальным средствам школы, в которой они учат. Инспектора народных училищ по несоизмерной обширности своего круга действий, по множеству возложенных на них канцелярских трудов не имеют физической возможности направить деятельность этих учителей, придать ей какое-либо методическое единство. Между тем этот разряд учителей, постоянно возрастающий в числе, заслуживает особенного внимания. Это пока единственные полноправные учителя, ко-

торые по карману нашим крестьянским обществам, нашим волостям, нашим приходам. Это люди, сознательно выбравшие себе учительскую должность, иногда за неимением лучшей, иногда по действительной склонности или призванию, наперёд знакомые с её более чем скромной обстановкой, дорожащие этой должностью как своим единственным окончательным ремеслом или как заменой обязательной воинской повинности.

Третий разряд наших сельских учителей составляют те, кто выходит из наших учительских семинарий. Количество их возрастает, но не так быстро, как можно было бы ожидать по количеству этих заведений. Прибыль ослабляется постоянной убылью по причинам, которые я тотчас изложу.

Наши учительские семинарии наполняются, с одной стороны, молодыми крестьянами, окончившими курс в двухклассных сельских училищах, с другой — юношами из всех прочих сословий. Причины, побуждающие их поступать в эти заведения, разнообразны, но лишь в редких случаях между ними играет видную роль сознательное желание посвятить себя учительскому званию. Преобладающим мотивом со стороны родителей-крестьян является тут смутное желание вывести своих детей в *господа*; со стороны родителей других сословий вполне сознательное желание избавить своих детей от воинской повинности и доставить им три года казённого содержания и учения, а затем казённое место. Желающих поступить в учительские семинарии всегда больше, чем можно их принять.

Эти юноши в течение трёх лет проходят многосложный курс учения. Самое поверхностное усвоение курса в столь краткое время стоит

немало труда. О серьёзном, действительном усвоении не может быть и речи. Особенно печально отражается это несоответствие между содержанием курса и его продолжительностью на усвоении самых основных предметов — русского языка и математики. Но кроме массы отрывочных полужнаний воспитанники учительской семинарии приобретают в ней ещё нечто другое. Крестьянского парня, прошедшего в ней три года, невозможно узнать. Общество юношей иных сословий, немецкое платье, французские танцы, быстрое усвоение всех *внешних* признаков образованности, столь соблазнительное для впечатлительной, художественно-подражательной русской природы, неизбежно и бесповоротно переводят его в разряд *господ* (в крестьянском смысле этого слова). Он вполне отпадает от крестьянской среды и, поступивши на место вдали от своей родины, прямо примыкает к среднему слою сельского общества, состоящему из духовенства, небогатых помещиков, кабатчиков и деревенских кулаков. В этом кругу он является образованным, всюду желанным и приглашаемым кавалером, затмевающим недочувшихся барчуков и тяжёловатых, робких воспитанников духовных семинарий. Его преподавание по новым методам, имеющим свои достоинства, но мало отношения к потребностям сельской школы, строгий порядок и благообразие, водворённое им в училище, приводят в восхищение местную интеллигенцию, обеспечивают ему одобрение вечно торопящегося учебного начальства.

Между тем столь выгодное общественное положение, укрепляющее его в высоком мнении о себе, вынесенном из семинарии, имеет свою весьма существенную оборот-

ную сторону: скудость материальных средств — повсеместную принадлежность нашей сельской школы. Его жалование всё-таки слишком мало, и на улучшение в этом отношении не имеет надежд. Это жалование при полубарском его образе жизни не даёт ему возможности откладывать на чёрный день, не даёт права рассчитывать на женитьбу в том кругу, в котором он вращается. Отсюда быстро развивающееся недовольство своим положением, желание улучшить его во что бы то ни стало. Первым, ближайшим выходом является поступление в учительский институт, сулящее впереди лучше обеспеченное место городского учителя, сопричисление к служебному чиновничеству, возможность безграничной карьеры... Но всем воспитанникам учительских семинарий нет возможности поступать в учительские институты; это — удел немногих счастливых. Остальные вынуждены искать иного выхода и рано или поздно его находят. Бойкий и грамотный молодой человек, примкнувший к среде *господ* и купцов, всегда найдёт себе положение, менее тягостное, чем положение сельского учителя, с вознаграждением, не в пример большим. Внешний лоск, приобретаемый в учительских семинариях, несомненно, приносит пользу их воспитанникам, но не учебному делу.

Конечно, есть исключения. Есть воспитанники учительских семинарий, с любовью погружающиеся в своё дело и поэтому довольствующиеся его скромной обстановкой, тщательно пополняющие собственным трудом пробелы, оставленные в их образовании учительской семинарией, вырабатывающие из себя превосходных, прочных сельских учителей. Но такие молодые люди поступают в семинарию

лишь случайно. Поступление в неё определяется в весьма раннем возрасте. Двухклассные сельские училища, главные, почти единственные рассадники семинаристов из крестьян, не имеют права оставлять при себе для приготовления в эти заведения мальчиков старше шестнадцати лет. В эти лета угадать призвание трудно, да и некому на это обратить внимание.

Всё это в высшей степени ненормально и должно измениться... Но не хочу прерывать мою характеристику настоящего предположениями о будущем.

Всем известно, что кроме наших официальных зарегистрированных училищ, находящихся под номинальным контролем разных лиц и учреждений, у нас существует сельская школа, ускользающая от всякого контроля, от всякой статистики, школа, предшествовавшая учреждению наших правильных училищ и продолжающая действовать наряду с ними. Эта чисто деревенская школа заключается в найме жителями какой-либо деревни грамотея, переходящего из дома в дом и обучающего детей этой деревни. Школы этого рода, на которые до сих пор смотрели с пренебрежением, почти враждебно наши ревнители просвещения, начинают обращать на себя то внимание, которого они вполне заслуживают. Слышатся даже голоса, указывающие на них как на единственную нормальную форму сельской школы в России.

Не впадая в эту крайность, мы должны признать, что эти самородные школы сильно способствуют распространению грамотности в России, той элементарной, но прочной грамотности церковного характера, которая соответствует пробуждающейся потребности наших крестьян в образовании.

Они имеют перед школами волостными и приходскими то громадное и бытовое преимущество, что не отрывают своих учеников от семьи. Они, что бы ни говорили наши записные педагоги, составляют могучее подспорье правильной школы, облегчая её труд, сокращая в ней срок учения.

Но было бы ошибочно думать, что они могут вполне заменить эту правильную школу. Это видно уже из того, что везде, где существует действительно хорошая волостная или приходская школа, деревенские школы в её окрестностях исчезают.

Но исчезают они, я в этом убеждён, только для того, чтобы в ближайшем будущем возродиться в новом, улучшенном виде. На место разных проходимцев, занимающихся теперь ремеслом обучения ребят, станут грамотные крестьяне тех же деревень, ученики приходской школы, действующие в её духе и под её руководством. Они составят нечто вроде параллельных классов низших отделений этой школы, подчас и старших. Лишь этим путём может быть достигнуто в северной и средней полосе России поголовное обучение крестьянских детей грамоте. Но и в теперешнем их состоянии эти деревенские школки заслуживают сочувствия и поощрения. Их часто весьма плохие учителя, имея дело с небольшим числом учеников, вынужденные постоянным контролем родителей к усиленной деятельности, по этому самому достигают результатов замечательных, по какому бы методу они ни вели своё преподавание.

Таковы учителя, которыми ныне располагает наша сельская школа. Они оставляют желать многого, тип русского сельского учителя ещё далеко не выработался. Тем не менее уже теперь исключительные усло-

вия нашей сельской школы налагают на её учителя особый отпечаток. Если он человек по личным качествам достойный своего звания, если это звание не есть только ремесло, навязанное ему случайными обстоятельствами, он неминуемо берёт на себя нелёгкий труд приладиться к этим тяжким, своеобразным условиям, чтобы извлечь из них какую-либо пользу для своих учеников. Эти ученики поручены ему на краткий срок, но зато они у него под руками с утра до вечера. Чтобы добиться какого-либо результата, он волей-неволей должен умножить число классных занятий или придумать для детей полезные занятия вне классов. Отношения его к ученикам становятся живее, ближе, чем в школе, действующей только в определённые часы. Сила вещей заставляет его заботиться о многом другом, кроме успехов этих учеников в арифметике и чистописании. Его затягивает дело по самой своей жизненной сложности, и он привязывается к нему навсегда.

Перехожу к внешней организации школьного дела в наших деревнях и сёлах и к его материальной обстановке. В этом отношении наши сельские училища представляют крайнее разнообразие. У нас существуют училища министерские, содержание которых почерпается из Государственного казначейства при значительной прибавке из местных средств; училища земские, в содержании которых в большей или меньшей мере участвуют местные крестьянские общества — волости или приходы; училища волостные и приходские, пользующиеся более или менее щедрой поддержкой от земства; наконец, училища, исключительно или преимущественно содержимые на средства частных лиц. Учи-

Сергей Рачинский
Сельская школа

лица, обеспеченные принадлежащим им капиталом, составляют весьма редкое исключение. Денежная помощь, оказываемая Государственным казначейством сельским школам не министерским, совершенно ничтожна.

Это разнообразие отрадно и поучительно. Оно свидетельствует о сильной потребности в элементарном образовании, изыскивающей все средства для своего удовлетворения; оно даёт нам возможность исподволь собирать данные для будущей, окончательной организации нашего школьного дела.

Прежде всего, конечно, нужно сказать несколько слов об училищах министерских: они именуются образцовыми и предназначены служить типом для всех прочих сельских училищ.

Таким высоким назначением этих учебных заведений, конечно, объясняется их чрезвычайная дороговизна. Учреждаются они не иначе, как при пожертвовании под училище десятины земли и при ежегодном взносе из местных средств не менее 400 руб., суммы достаточной для содержания, без всякого участия министерства, вполне благоустроенного училища, находящегося в ведении и под контролем жертвователей. Учреждение двухклассного училища требует ещё больших пожертвований от местного населения. Эти издержки были бы, разумеется, ничтожны, если бы в министерских училищах мы имели перед собой образцы, которым было бы желательно и возможно подражать.

Учение в сельской школе может продолжаться большую часть года, прерываясь совершенно лишь на шесть недель. Курс в этих училищах трёхлетний. В первые два года полагается по три часа уроков в день, в третий — по четыре. Но

действительное учебное время у нас обнимает семь месяцев (от 1 октября по 1 мая), из коих выпадает один месяц на Святки, Страстную и Святую неделю. В такие сроки и при таком количестве учебных часов сообщить ребёнку средних способностей прочную грамотность невозможно. Из министерских училищ исключены девочки, которым удаётся врываться в прочие, необразцовые школы. Это обстоятельство не может внушать сочувствия к образцовым. Наконец, в министерском училище учит воспитанник учительской семинарии, совершенно отчуждённый от родителей своих учеников, совершенно от них независимый, человек казённый, не ведающий иного надзора, иного контроля, как со стороны учебного начальства, не имеющего физической возможности, сверх обязательного приезда на торопливый экзамен, посетить училище более одного раза в год. Представляют ли эти данные какое-нибудь ручательство в успехе? Не нужно ли, напротив, стечение совершенно исключительных обстоятельств для того, чтобы учение, организованное таким образом, давало какие-либо ощутимые результаты?

Несравненно нормальнее поставлено дело в тех наших училищах, по которым издержки и контроль делятся между земством и местными крестьянскими обществами. Положение их пока тем нормальнее, чем большая доля издержек падает на местное общество, чем большая доля контроля им принадлежит. Действительно, при нынешнем слишком недостаточном числе сельских училищ значительное расширение издержек земства на народное образование едва ли желательно и справедливо. Десяток-другой училищ, разбросанных по целому уезду, приносит пользу разве сотой части

его населения: нет основания разлагать издержки по содержанию этих училищ на всех плательщиков земского сбора. С другой стороны, чем незначительнее доля денежного участия местного общества в содержании училища, тем, разумеется, слабее его влияние на него, его контроль над ним, тем меньше шансов на его улучшение и вместе с тем на усиление его материальных средств. Контроль же земства при наших расстояниях, при бедности наших училищных советов людьми, преданными делу народного образования и обладающими педагогической опытностью, по необходимости весьма слаб и поверхностен и не может быть усилен соразмерно с увеличением денежных трат земства на содержание школы.

Наши сельские училища до сих пор крайне бедны, и этим затрудняется привлечение в них хороших учителей. Эта бедность зависит от того, что земства не могут тратить на них значительных сумм, а крестьянские общества *на первых порах* облагают себя на содержание школы в крайне ограниченных размерах. Те же самые крестьяне готовы заплатить каждый в десять раз больше учителю, который учил бы ребят в их деревне. Зажиточный крестьянин нередко платит и в сто раз больше грамотею, которого он нанимает для обучения своих детей. Количество денег, тратимое крестьянами на этот предмет, уже теперь было бы достаточно, чтобы содержать в каждом приходе порядочную школу.

Иметь школу в версте или в двадцати верстах от своего дома — две вещи совершенно разные. Понятно, что такой взнос при возникновении новой школы в большинстве случаев не может быть значителен.

И при всём том этот взнос возрастает везде, где является школа,

сколько-нибудь достойная своего имени. Везде, где является умелый и усердный учитель, где имеется священник, радеющий о школе, возрастание это происходит быстро и достигает той цифры, при которой незначительная помощь от земства совершенно достаточна для исправного ведения дела. Там, где крестьяне имеют возможность поручить выборы учителя и призор за училищем лицу, пользующемуся их доверием, они и при основании училища готовы обложить себя гораздо более значительным взносом.

У нас до сих пор преобладают два типа сельских училищ: негласная, совершенно частная деревенская школа и официально признанное, пользующееся надзором от правительства и поддержкой от земства волостное училище, возникшее по инициативе того же земства, деятельного волостного старшины или ближайших к волостному правлению деревень.

Всякому ясно, что наша северная деревня — единица слишком мелкая, слишком бедная материальными и умственными силами, чтобы создать себе удовлетворительную школу. Деревенская школа в огромном большинстве случаев не может повести своих учеников далее голый грамотности церковного характера, к тому же недостаточно осмысленной. Она драгоценна, она в ближайшем будущем станет необходимой, как подспорье, как дополнение к школе более совершенной, но дальнейшее самостоятельное развитие её почти невозможно.

Но для всякого ясно, что по отношению к этому делу волость — единица слишком крупная, слишком искусственная и должна быть заменена единицей более тесной, более органической, а именно — приходом. Эта замена кое-где начинает

совершаться на практике. В знакомом мне деле сельской школы приход, а не волость есть та единица, которая для этого дела представляет прочную, надёжную почву.

Чтобы предварительно освоиться с внешней стороной вопроса, прошу только читателя принять в соображение, что число детей школьного возраста составляет приблизительно 10% всего населения; что население наших волостей считается тысячами, а население наших приходов — сотнями; что школа при одном учителе может взяться за дело с десятками учеников, а с сотнями справиться не может.

Следует вспомнить, что наши приходы сложились веками в силу географических условий и духовных нужд населения, что их вековое существование установило между входящими в их состав деревнями преемственную и нравственную связь, поддерживаемую общением в молитве, в заботах о благолепии храма, обычаем родственных союзов; что, наконец, приход есть единственная у нас мелкая единица всесословная, включающая в себя людей всех степеней богатства и образования.

Предвижу, что читатель, даже сочувствующий общему смыслу моих предположений, возразит мне, что они неосуществимы, пока наш приход не получит более правильной организации, более определённых прав относительно выбора своих пастырей и внутреннего управления. Признаюсь, что не могу стать на эту точку зрения, хотя и не отвергаю её относительной справедливос-

ти. Дело в том, что в этом случае, как и во многих других, расширению наших прав, по крайнему моему разумению, должен бы предшествовать дружный приступ к исполнению наших обязанностей. Всё ли сделано в наших приходах, что возможно при настоящих условиях? Сделано ли хоть что-нибудь? Где те признаки оживления нашей приходской деятельности, которые указали бы на необходимость для неё большего простора? Увы! Мы живём среди пустых рамок и, не думая их наполнить нашей деятельностью, жалуемся на их тесноту и требуем их расширения! Никакая организация, как бы ни была она совершенна, не может создать организма, не может создать жизни, а всякая жизненная деятельность неминуемо создаёт органы, ей свойственные, ей необходимые. Будем же хлопотать о первом, а второе приложится нам. Всякая общественная деятельность слагается из личных усилий, возбуждающих и поддерживающих друг друга. За отсутствием этих личных, свободных починов всякая организация является усыпляющей ложью или мертвящим насилием. Поэтому предоставляю другим чертить подробности будущего устройства нашего прихода; ограничиваюсь отрывочными указаниями на дело, которое ему предстоит. Конечно, не моему слабому голосу разбудить спящих, ободрить унывающих. Но к нему, надеюсь, присоединятся иные голоса, более веские, более громкие. Надеюсь, что самый голос вещей дойдёт до нашего слуха, заставит нас одуматься и очнуться...